

«ЗАМЕЧАЕТСЯ ВСЁ БОЛЬШАЯ И БОЛЬШАЯ НЕРВозНОСТЬ КАК В ПРЕССЕ, ТАК И В ОФИЦИАЛЬНЫХ КРУГАХ...». ПОЛОЖЕНИЕ В ЮГОСЛАВИИ ЛЕТОМ 1948 Г. ГЛАЗАМИ РУМЫНСКОГО ПОСЛА

Александр Сергеевич Стыкалин

Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук;
ведущий специалист,
Российский государственный архив
социально-политической истории
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия;
Большая Дмитровка, 15,
Москва, 125009, Россия
Электронный адрес: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Никита Викторович Бондарев

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес:
nikitabondarev1977@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2184-585X

Аннотация

Противоречия между советским и югославским руководством, впервые обозначившиеся еще во время Триестского кризиса (май-июнь 1945 г.), достигают критической точки к весне 1948 г. Хотя Югославия по окончании Второй мировой войны решительно приступила к осуществлению глубоких экономических и политических реформ в соответствии с коммунистической доктриной, чересчур самостоятельный и амбициозный Иосип Броз Тито не обеспечивал должного контроля Москвы за положением в собственной стране и в этом смысле мало соответствовал представлениям И. В. Сталина о лидере государства, строящей социализм согласно общим установкам мирового коммунистического движения. В мае Тито отклонил требование руководства ВКП(б) прибыть на новое совещание Коминформбюро, а состоявшееся в конце июня в Бухаресте без участия югославской делегации совещание приняло резолюцию, содержавшую острые обвинения лидеров компартии Югославии в национализме. В рамках мирового коммунистического движения разворачивается антиюгославская кампания, к которой были подключены все компартии советской сферы влияния, к этому времени уже обладавшие всей полнотой власти в своих государствах. В самой Югославии происходит консолидация режима Тито, сопровождавшаяся жесткими мерами против тех коммунистов, которые призывали свое руководство подчиниться диктату Москвы. Крайне напряженная внутриполитическая атмосфера в Белграде конца лета 1948 г. предстает в описании посла Румынии в Югославии уроженца Бессарабии Теодора Руденко, выступавшего в качестве информатора советского руководства.

Ключевые слова

И. В. Сталин, Иосип Броз Тито, советско-югославский конфликт 1948 г., Румыния, Коминформбюро

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2025 г.

Статья доработана автором 18 мая 2025 г.

Статья принята в печать 29 мая 2025 г.

Цитирование: *Стыкалин А. С., Бондарев Н. В.* «Замечается всё большая и большая нервность как в прессе, так и в официальных кругах...». Положение в Югославии летом 1948 г. глазами румынского посла // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 220–240. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.12>

“MORE AND MORE NERVOUSNESS IS NOTICEABLE BOTH IN THE PRESS AND IN OFFICIAL CIRCLES...” THE SITUATION IN YUGOSLAVIA IN THE SUMMER OF 1948 VIEWED BY THE ROMANIAN AMBASSADOR

Alexandr S. Stykalin

Ph. D., Lead Resercher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Lead Specialist,
Russian State Archive
of Social-Political History
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia;
B. Dmitrovka, 15,
Moscow, 125009, Russia
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Nikita V. Bondarev

Ph. D., Senior Resercher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: nikitabondarev1977@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2184-585X

Abstract

The contradictions between the Soviet and Yugoslav leadership, which first emerged during the Trieste crisis (May-June 1945), reached a critical point in the spring of 1948. Although Yugoslavia, after the end of the World War II, resolutely turned to implementation of deep economic and political reforms in accordance with the Communist doctrine, the overly independent and ambitious Josip Broz Tito did not let Moscow control the situation in his country. And in this sense, he did not correspond to I. V. Stalin's ideas about the leader of a country which was building socialism in accordance with the general principles of the World Communist movement. In May, Tito rejected the demand of the Soviet leadership to attend a new meeting of the Cominform bureau, and the meeting held at the end of June in Bucharest without the participation of the Yugoslav delegation adopted a resolution containing sharp accusations of nationalism against the leaders of the Communist Party of Yugoslavia. An anti-Yugoslav campaign was launched within the framework of the World Communist Movement. It involved all the Communist parties of the Soviet sphere of influence, by this time already possessing full power in their states. The consolidation of the Tito regime was accompanied by harsh measures against those communists who called on their leadership to submit themselves to the dictate of Moscow. The extremely tense domestic political atmosphere in Belgrade at the end of the summer of 1948 is reflected in the descriptions by the Romanian ambassador to Yugoslavia, Bessarabia-born Teodor Rudenko, who acted as an informant for the Soviet leadership.

Keywords

I. V. Stalin, Josip Broz Tito, Soviet-Yugoslav Conflict of 1948, Romania, Cominform-bureau

Received 20 April 2025

Revised 18 May 2025

Accepted 29 May 2025

For citation: Stykalin, A. S., Bondarev, N. V., 2025. “More and More Nervousness is Noticeable both in the Press and in Official Circles...” The Situation in Yugoslavia in the Summer of 1948 Viewed by the Romanian Ambassador. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 220–240. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.12>

Советско-югославский конфликт 1948 г., его предпосылки, ход развития, влияние на характер отношений внутри формирующегося советского блока и на обострение холодной войны стали предметом обширной историографии как в странах постъюгославского пространства, так и за их пределами. Но продолжают вводиться в научный оборот новые источники, дополняющие ранее не известными подробностями наши знания о тех драматических событиях. Это касается и отклика на разрыв между советской и югославской компартиями со стороны стран советской сферы влияния, в которых он вызвал большой шок, поскольку титовская Югославия после 1945 г. по праву воспринималась как страна, быстрее и успешнее других продвигавшаяся по пути построения основ социализма с опорой на советские образцы.

Вниманию читателей предлагаются свидетельства человека, который провел в Белграде крайне напряженные первые месяцы развития конфликта, внимательно наблюдая за реакцией югославского руководства на эскалацию обвинений, звучавших из Москвы. Речь идет не только о румынском коммунисте с довоенным стажем, приближенном к руководству своей партии, к началу 1948 г. овладевшей полнотой власти, вытеснив с политической арены всех конкурентов, но и об официальном представителе своего государства. Ведь в начале декабря 1947 г., в самый канун бурных политических изменений в Румынии, приведших к лишению короля Михая трона и его отъезду в эмиграцию, Теодор Руденко был назначен послом в соседней Югославии и прибыл в этом качестве в Белград¹. Некоторая кажущаяся необычность принятого в Бухаресте кадрового решения заключалась в том, что Фёдор (а именно таково его изначальное имя) Руденко отнюдь не был этническим румыном. Уроженец Южной Бессарабии, украинец, он родился подданным Российской империи, хотя его юность и годы становления действительно прошли в королевской Румынии, во владение которой этот край перешел в 1918 г., Руденко не мог получить в условиях межвоенной Великой Румынии систематического образования на русском языке (выше начального), однако, как явствует из публикуемого ниже донесения, владел им в такой степени, что без особого труда мог писать на нем развернутые записки, адресованные в Москву, в ЦК ВКП(б). Литературным румынским языком он, впрочем, владел еще лучше, что позволяло ему выступать в качестве публициста в румынской коммунистической печати. Более того, в 1936 г. во время пребывания в тюрьме Дофтана, где содержались многие политические заключенные, он написал текст революционной песни, которая потом широко исполнялась в Румынии 1950-х годов — по свидетельству румыно-американского политолога Владимира Тисмэняну, ее пели даже на школьных утренниках. Не удивительно, что в 1945–1947 гг. ему, в то время сотруднику аппарата ЦК Румынской компартии, доверено было работать с творческой интеллигенцией.

¹ По совместительству он был и послом в Албании.

Что касается прекрасного знания русского языка, то в этом отношении Руденко был далеко не одинок в элите румынской компартии — из Бессарабии, где русский язык и в межвоенный период имел самое широкое распространение в повседневном общении, происходили и начали здесь свою политическую деятельность многие ее представители. Иосиф Кишиневский (Ройтман), Александру Бырлэдяну и Леонте Рэуту (Лев Ойгенштейн) входили в разное время в высшее партийное руководство, Василе Малинский долгие годы возглавлял румынский госбанк, Леонте Тисмэняну (Леонид Тисменецкий) был видным партийным журналистом; список можно продолжать и продолжать. Такое обилие бессарабцев в румынской партэлите вполне устраивало советское руководство. В Молдавской ССР с момента ее образования летом 1940 г. подавляющее большинство ответственных должностей заняли выходцы с левого берега Днестра, где с 1924 г. существовала молдавская автономия в составе Украины. В то же время коммунистам с правого, бессарабского берега этой реки после войны Москвой было доверено право строить социализм по другую сторону Прута, то есть в Румынии, гражданами которой они являлись до 1940 г. и где они приобщились к коммунистическому движению.

О юности Фёдора Руденко известно в основном из скудных анкетных данных, хранящихся в российских и румынских архивах. Он родился в 1909 г. в зажиточной крестьянской семье в знаменитом своими винодельческими традициями селе Шабо Аккерманского уезда Бессарабской губернии², которое в декабре 1821 г., в период своей южной ссылки, посетил А. С. Пушкин в сопровождении И. П. Липранди. В 1924 г., когда будущему румынскому послу в Югославии было 15 лет, не столь уж далеко от его родных мест, в Татарбунарах, произошло мощное восстание, жестоко подавленное румынскими властями. Его организаторы, рассчитывавшие на военную помощь извне, ставили целью дать новый толчок мировой революции, теперь уже не на западном, а на балканском направлении.

В 1929 г. 20-летний Руденко сумел выехать в Советский Союз, в Одессу, мотивируя это желанием продолжить там образование и приобщиться к строительству социализма. Эти страницы его биографии покрыты мраком неизвестности. Известно лишь, что он был (вполне ожидаемо!) задержан и через некоторое время депортирован обратно в Румынию, где также заключен на три месяца под стражу за незаконное пересечение границы. Его впечатления о кратковременном пребывании в СССР нашли отражение в ряде статей, опубликованных в левой румынской прессе. В кругах коммунистов их автора обвиняли в извращении реального положения в «стране Советов», за что Руденко позже не раз приходилось оправдываться.

² Село находилось всего в 4–5 км от уездного города Аккерман. При румынской власти, когда Руденко окончил местный лицей, город назывался Четатеа-Албэ; ныне Белгород-Днестровский, Одесская область Украины.

В 1930 г. Руденко поступил в политехнический институт Тимишоары, выбрав специальность инженера-электротехника. Там он приобщился к общественной деятельности, возглавив организацию местных студентов-бессарабцев. Учеба в университете через два года была прервана призывом на военную службу, Руденко провел почти год на курсах по подготовке военных инженеров. После демобилизации он продолжает учебу по той же специальности, только уже не в Тимишоаре, а в Яссах. Там он возглавил левую студенческую организацию и сблизился с подпольной компартией, а через некоторое время вступил в нее. В 1934 г. за участие в оппозиционных акциях он впервые был арестован и провел за решеткой 8 месяцев. Освободившись, продолжил нелегальную деятельность, что привело его к повторному аресту и приговору к 8 годам заключения. На свободу вышел в декабре 1942 г., но находился под неослабным полицейским контролем.

Карьере Руденко в послевоенной Румынии способствовало знакомство в тюрьме Дофтана с будущим лидером компартии и страны Г. Георгиу-Дежем, находившимся там в заключении. С довоенных времен румынскую компартию, как в московской эмиграции, так и в подполье, раздирала острая и подчас кровавая внутренняя борьба, в которой были представлены разные группировки. Победителем в ней стал Георгиу-Деж, переиграв всех своих конкурентов³. Руденко с самого начала сделал выбор в пользу Дежа, вошел в его окружение, и это обеспечило ему послевоенную карьеру, несмотря на его прежние «уступки троцкизму», известные соратникам по партии⁴. Компрометирующие моменты биографии, очевидно, не стали роковыми для Руденко лишь благодаря его личной верности Дежу, а также длитель-

³ Борис Стефанов, болгарин, генеральный секретарь румынской компартии в 1936–1940 гг., был исключен из нее, а после войны предпочел жить и работать в Болгарии. Его преемник, трансильванский венгр Штефан (Иштван) Фориш (генеральный секретарь в 1940–1944 гг.) был усилиями Георгиу-Дежа и людей его команды смещен в апреле 1944 г. по обвинению в трусости и связях с политической полицией Антонеску (сигуранцей), а после войны обвинен новыми властями в измене и убит в застенках Секуритате в 1946 г. Один из главных интеллектуалов компартии Лукрециу Пэтрэшкану (министр юстиции в первом, коалиционном правительстве, сформированном после свержения Антонеску, и участник переговоров о перемирии с СССР) был арестован в 1948 г. и казнен в 1954 г., став жертвой судебного процесса, проведенного на основании сфальсифицированных обвинений уже после смерти Сталина. Представитель румынской компартии в Исполкоме Коминтерна и глава ее заграничного бюро Анна Паукер вместе с близкими ей членами «московской фракции» в партии Василе Лукой и Теохари Джорджеску оставались в руководстве РКП и страны до 1952 г., когда они были выведены из него с громкими обвинениями во фракционной деятельности и чуть позже арестованы, причем Лука скончался в заключении уже в 1960-е годы.

⁴ В 1935 г. троцкистскую группу в Румынии организовал Д. Корнер, впоследствии видный французский троцкист. О причастности к ней Руденко сведений нет. Но в его личном досье, хранящемся в румынском партархиве, нашли отражение его высказывания в узких кругах о роли Троцкого в осуществлении октябрьской революции в России, о чем он предлагал не забывать, критикуя его более позднюю политическую линию. Подобные настроения характеризовались как протроцкистские.

ному пребыванию в застенках королевской Румынии, в том числе в годы «большого террора» в СССР, жертвами которого стали и многие румынские коммунисты.

После падения 23 августа 1944 г. режима Антонеску, перехода Румынии на сторону Антигитлеровской коалиции и выхода компартии из подполья Руденко сначала возглавляет парторганизацию на уездном уровне, затем переходит в аппарат ЦК в отдел пропаганды и агитации.

Доступные нам документы не дают ответа на вопрос о том, когда, при каких обстоятельствах и по чьему поручению Руденко стал выступать в качестве информатора аппарата ЦК ВКП(б) или других советских органов и насколько систематически это делал. Можно только предполагать, что какие-то договоренности на этот счет могли были достигнуты при посещении им Советского Союза в течение ряда недель в 1946 г. в составе делегации общества, призванного заниматься укреплением сотрудничества с СССР⁵. Можно лишь с уверенностью сказать, что свои советские связи он не афишировал перед румынским руководством, ибо это могло стоить ему карьеры, а то и еще больших неприятностей: люди, такими связями обладавшие (а это прежде всего те, кто долго работал в СССР в структурах Коминтерна или других учреждениях), не пользовались доверием Дежа. Что же касается Руденко, то он продолжал свою карьеру, как партийную, так и дипломатическую, еще более 10 лет. Пробыв два года послом в Югославии (с декабря 1947 г. по декабрь 1949 г.), он вскоре выехал в Пекин. С 10 марта 1950 по декабрь 1952 г. он был первым послом Румынии в КНР, откуда переведен на должность заместителя министра иностранных дел (после отстранения с министерского поста Анны Паукер Георгиу-Деж пытался укрепить аппарат МИДа своими доверенными людьми). Позже Руденко стал послом в Китае вторично (1957–1958). Перед этим, с 1955 г. он возглавлял отдел внешних связей ЦК румынской компартии. Но по мере того как во внутренней политике Румынии с конца 1950-х годов усиливались националистические тенденции, позже расцветшие пышным цветом уже в «золотую эпоху» Чаушеску, Руденко оказывался все менее ко двору. На удаление из партноменклатуры этого человека, «чьи заслуги перед республикой общеизвестны», обратил внимание его старый знакомый, советский писатель Савва Дангулов, в прошлом карьерный дипломат, проработавший в Румынии около трех лет во второй половине 1940-х гг., а в момент своей творческой командировки летом 1964 г. заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература»⁶. Удалившись так рано на пенсию, Руденко не дожил и до 60 лет, скончавшись в 1967 г.

⁵ Asociația Română pentru strângerea Legăturilor cu Uniunea Sovietică (ARLUS). Делегация была принята на высоком уровне, присутствовала на приеме в Кремле.

⁶ Стыкалин А. С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 361.

В Югославии Руденко оказался в крайне острый для страны момент. К лету 1948 г., с одной стороны, достигли критической массы противоречия между советским и югославским руководством, впервые обозначившиеся еще во время Триестского кризиса (май-июнь 1945 г.). С другой, мобилизационно-реквизиционные методы управления экономикой, до некоторой степени перекликавшиеся с советским опытом «военного коммунизма», очевидно, себя исчерпали. По определению Л. Я. Гибианского, «применительно к условиям существования в Югославии многоукладной экономики, наличия частной собственности в мелкой промышленности, ремесле, розничной торговле, а особенно единоличного крестьянства, преобладавшего в деревне, вызывала интерес с югославской стороны экономическая практика периода НЭПа»⁷. Констатируем, что осторожный интерес титовского руководства к практике многоукладной экономики в Советском Союзе понимания и одобрения не находил, то есть экономические проблемы Федеративной народной республики Югославии (ФНРЮ), отмеченные в записке Т. Руденко, перестают быть сугубо внутренним моментом и переходят во внешнеполитическую плоскость.

Точкой невозврата в нагнетании взаимных претензий СССР и ФНРЮ становятся направленные в Москву в конце 1947 г. советским послом А. И. Лаврентьевым и военным атташе Г. С. Сидоровичем докладные, в которых Иосипа Броза Тито обвиняли в вождизме, а югославское руководство — в непонимании подлинной сути марксизма-ленинизма. 9 марта 1948 г. Лаврентьев сообщал, что в Экономическом совете Югославии отказались предоставить советскому торгпреду статистическую информацию об экономике страны. Лаврентьев был вызван в Москву, где на совещании у Сталина 12 марта дал подробное описание ситуации в ФНРЮ, развеяв сомнения в «уклонизме» Тито, если они у кого-то были. 18 марта Тито получил телеграмму за подписью В. М. Молотова, в которой было сказано, что непредоставление информации о югославской экономике рассматривается советским правительством «как акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР».

3 апреля 1948 г. Лаврентьев уведомил югославские власти о разрыве советской стороной двустороннего протокола о статусе Триеста в связи с тем, что югославское руководство заявило об изменении своей позиции по принадлежности Триеста без консультации с СССР. 22 мая Тито отклонил официальное приглашение (а по большому счету требование) за подписью секретаря ЦК ВКП(б) М. А. Суслова принять участие в совещании Коминформа в Бухаресте. 11 июня 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отменило поездку в Белград делегации советских работников культуры. 29 июня 1948 г. была опубликована резолюция Коминформбюро, которая предложила югославским коммунистам «заставить своих нынешних руководителей открыто

⁷ Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987. С. 146.

и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, — сменить их и выдвинуть новое интернационалистское руководство КПЮ»⁸. Как ответ СССР и Коминформу во второй половине июля в Белграде проходит Пятый конгресс КПЮ, на котором югославские коммунисты высказали свою безусловную поддержку Тито и осудили Коминформ, при этом адресных, персональных нападок на советское руководство, включая Сталина, в резолюции Пятого конгресса не было. Впрочем, как явствует из записки Руденко, хорошо передающей крайне нервную, напряженную (и среди прочего сопровождавшуюся сильной шпиономанией) ситуацию в стране летом 1948 г., немалая часть функционеров разных ведомств и уровней, военнослужащих, рядовых коммунистов, усомнившись в способности правящей югославской верхушки противостоять давлению Сталина, заняла в конфликте сторону Москвы. Они жестко преследовались властями, а те, кому удалось покинуть страну, примкнули к формируемавшемуся в эмиграции под эгидой Коминформа югославскому антититовскому движению, существовавшему при поддержке СССР до осени 1954 г., т. е. до начала советско-югославского примирения⁹.

Несмотря на крупные разногласия, диалог СССР и Югославии в конце 1948 — первой половине 1949 г. так или иначе продолжался. Советский Союз и Югославия в числе других придунайских стран приняли участие в Белградской конференции, завершившейся подписанием 18 августа 1948 г. соглашения, регулирующего судоходство по Дунаю, что как раз и описывает Т. Руденко в своей записке. СССР в первой половине 1949 г. продолжал отстаивать интересы Югославии в переговорах с западными странами, в частности поддерживал претензии ФНРЮ к Австрии (но не к Италии). Двусторонние отношения между СССР и Югославией были разорваны 28 сентября 1949 г. на фоне сфабрикованного в Венгрии судебного процесса по делу Ласло Райка, имевшего ярко выраженную антиюгославскую направленность. 25 октября Москву покинул югославский посол со своей дипмиссией. 16 ноября 1949 г. из Белграда уехал советский посол А. И. Лаврентьев. В те же дни на совещании Коминформа принимается новая резолюция, означавшая переход конфликта на следующий виток: югославская компартия объявляется находящейся во власти уже не просто националистов и правоуклонистов, а «шпионов и убийц».

Как сателлит СССР, Румыния была активно вовлечена в антиюгославскую кампанию, развязанную Сталиным¹⁰. Как отмечалось выше, именно

⁸ См.: Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. С. 583

⁹ Кимура К. Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948–1954 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М. 2016. С. 324–348.

¹⁰ См.: Гладышева А. С. Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1953 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории. М.; СПб., 2017. С. 270–325.

в Бухаресте состоялось в июне 1948 г. второе совещание Коминформа, где была принята резолюция о положении в КПЮ, с которой, собственно говоря, и началась массированная антиюгославская кампания¹¹. Сюда уже летом 1948 г. был переведен из Югославии аппарат Коминформа и находился здесь фактически до роспуска этой организации весной 1956 г. Крайне напряженным вплоть до 1953 г. оставалось положение на югославско-румынской границе¹², осуществлялись репрессии против сербского населения румынского Баната, которое массовым порядком было переселено в восточную часть Румынии, к северу от Дуная — в засушливую Бэрэганскую степь¹³. Правда, в Румынии не был проведен такой же громкий судебный процесс антиюгославской направленности, как в Венгрии, Болгарии и Албании (жертвами этих процессов стали Л. Райк, Тр. Костов и К. Дзодзе). В силу этого отношение Тито к Дежу было хотя и очень сдержанным, но все же не настолько враждебным, как к венгерскому коммунистическому лидеру Матьяшу Ракоши. Показательно, что в июне 1956 г., когда югославский лидер ехал с официальным государственным визитом в СССР, первым после примирения двух стран, а через три недели возвращался обратно домой на поезде, он предпочел более длинный, окольный путь, через Румынию, а не Венгрию, лишь бы не встречаться с Ракоши¹⁴. Кроме того, с Румынией югославскому руководству удалось быстрее, чем с Венгрией, урегулировать проблемы взаиморасчетов в экономических отношениях, фактически прерванных после разрыва 1948 г.¹⁵

Восприняв в 1955 г. начавшееся советско-югославское сближение с известной настороженностью, как угрозу своим позициям, Деж довольно быстро оценил преимущества полноценного восстановления отношений с соседней страной. Ведь результаты поездки советской делегации во главе с Н. С. Хрущевым в Югославию в мае-июне 1955 г. и ответного визита И. Броза Тито в Советский Союз, состоявшегося через год, стали для

¹¹ См. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / вступ. ст. и комм. Г. М. Адибекова, Л. Я. Гибианского, А. Ди Бьяджо, С. Понса. М., 1998.

¹² На границе постоянно происходили вооруженные стычки и провокации, а листовки и брошюры пропагандистского содержания сбрасывались на территорию Югославии с самолетов и судов (См., например: Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room. Introduction of Cominform Propaganda into Yugoslavia via Danube, Begej and Tamis rivers. 14.12.1951. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009500470011-8.pdf> (дата обращения: 17.03.2021). Некоторые пограничные инциденты имели место и в 1954 г.

¹³ Гладышева А. С. Векторы румынской политики в отношении национальных меньшинств, 1945–1989 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 198.

¹⁴ А в ходе его встреч с Георгиу-Дежем обсуждались наиболее животрепещущие проблемы двусторонних отношений. См.: Croitor M., Borşa S. Triunghiul suspiciunii: Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito (1954–1964), vol. I. Cluj-Napoca, 2014. P. 48–50.

¹⁵ Stanciu C. From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956 // Iorga Institute. Historical Yearbook. Vol. V. Bucureşti, 2008. P. 113–126.

коммунистической Югославии в некотором смысле дипломатическим триумфом: нормализация диалога между Белградом и Москвой происходила именно «на югославских условиях». Этот успех означал закрепление совершенно особого международного статуса ФНРЮ, делая югославский опыт ценным и для соседней Румынии, где коммунистическая элита во главе с Георгиу-Дежем с середины 1950-х годов, но особенно после XX съезда КПСС и венгерских событий осени 1956 г. стала все больше задумываться об определенной автономии Румынии в рамках «социалистического лагеря», позволявшей ограничивать вмешательство «Большого брата» во внутренние дела¹⁶.

В октябре 1956 г. Деж во главе румынской правительственно-партийной делегации прибыл в Белград с официальным визитом. Между странами были подписаны долгосрочное торговое соглашение, конвенция о культурном сотрудничестве, готовились другие документы, призванные в перспективе заложить основы многогранных двусторонних связей. При всей заинтересованности обеих сторон в том, чтобы начать историю «с чистого листа», груз прошлого то и дело давал о себе знать. Так, в ходе бесед союзный секретарь по иностранным делам ФНРЮ К. Попович затронул проблему возвращения или компенсации имущества румынских сербов, к тому времени уже отпущенных с принудительных работ в Бэрэганской степи. Это вызвало довольно резкую реакцию Дежа, поэтому Тито поспешил сгладить углы, подчеркнув, что Югославия ни в коем случае не желает вмешиваться во внутренние дела Румынии или оказывать на нее давление, и выразил убеждение, что все последствия прошлого вскоре будут преодолены¹⁷.

В Белграде 23 октября членов румынской делегации застало начало мощнейшего венгерского восстания. Уже первоначальная реакция Дежа на вести, доходившие из Будапешта, была довольно симптоматична как один из первых знаков осторожных поисков более самостоятельной внешнеполитической линии. При всей его крайней озабоченности положением в соседней стране (и прежде всего опасениях, что примеру своих соплеменников могут последовать трансильванские венгры, а их численность даже по официальным данным достигала почти 1 млн 700 тыс. человек, составляя более 8% населения всей страны и около 30% населения Тран-

¹⁶ См.: Стыкалин А. С. У истоков румынской национальной модели коммунизма. К вопросу о влиянии XX съезда КПСС, венгерской революции 1956 г. и югославского фактора // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. М.; СПб., 2020. С. 96–120.

¹⁷ Arhiv Jugoslavije. KPR. I-3-a/97-4. Rumunija. Poseta delegacije vlade NR Rumunije na čelu s Georgi Georgiu Dežom. Zabeleške o jugoslovensko-rumunskim razgovorima, vođenjim na Brionima i Belom dvoru. 22.X.1956. Авторы благодарят Б. С. Новосельцева за указание источника.

сильвании) он придавал отношениям с Югославией настолько большое значение, что предпочел по возможности не комкать заранее подготовленную программу визита и не прерывать его, наблюдая еще в течение нескольких дней за происходящим в Венгрии из Белграда и наставляя соратников по телефону.

С начала 1960-х гг. руководство Румынии, не удовлетворенное положением страны в системе экономических и оборонных связей в рамках СЭВ и Организации Варшавского договора, все более дистанцируется от общей линии советского блока по ряду ключевых вопросов международных отношений. Оно не поддерживает курс на дальнейшее углубление экономической интеграции стран социализма, пытается занять равноудаленную позицию в условиях активизировавшейся советско-китайской полемики. При этом внеблоковая Югославия выступала для румынских лидеров (в 1965 г. Г. Георгиу-Дежа сменил во главе партии и страны Н. Чаушеску) примером социалистической страны, умело отстаивающей свои национально-государственные приоритеты в условиях жёсткого внешнего давления. Между соседними странами, Румынией и Югославией, складываются особые партнерские, пусть не всегда безоблачные отношения, основанные на общности интересов, что в ряду других явлений международной жизни 1960-х гг. свидетельствовало о продолжавшемся размывании жесткой bipolarности в европейской политике и усилении полицентризма в мировом коммунистическом движении. В конце августа 1968 г., ровно через 20 лет после написания послом Руденко своего донесения в Москву, публикуемого ниже, лидеры соседних Югославии и Румынии И. Броз Тито и Н. Чаушеску встретились близ границы двух стран, в сербском городе Вршац, чтобы со всей озабоченностью обсудить теперь уже общий для них вызов — вторжение СССР и ряда его союзников в Чехословакию¹⁸. Таков был итог эволюции, проделанной, условно говоря, «советским лагерем» за эти два десятилетия.

¹⁸ См.: «Нынешние советские руководители полностью забыли об интересах социализма и выступают лишь как великая держава...» (Запись беседы Йосипа Броз Тито и Николае Чаушеску. 24 августа 1968 г.) // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории. М.; СПб., 2021. С. 339–365.

Копия

О положении в Югославии

Как и следовало ожидать, в Югославии репрессии и открытые выходки усилились и стали более заметными после съезда партии¹⁹.

Знаменательно в этом отношении начало чистки в Черногорском правительстве²⁰ и слухи о подготовке такой же чистки в Боснии, Словении и, говорят также, в Македонии. Снимаются с ответственных постов неблагонадежные, колебавшиеся в связи с резолюцией Информбюро.

Аресты продолжают. Во многих случаях неизвестно, были ли люди арестованы, расстреляны или скрылись где-то в горах или за границей. Таков, например, случай с председателем контрольной комиссии Воеводины и бывшим членом окружного комитета партии Душаном Новаковым. После открытого выступления в окружном комитете Воеводины за резолюцию и именно, когда секретарь обкома²¹ заявил, что с резолюцией может быть

¹⁹ Речь идет о Пятом конгрессе КПЮ, проходившем в Белграде с 21 по 28 июля 1948 г. Это был первый конгресс партии с момента окончания Второй мировой войны, его делегаты выразили безоговорочную поддержку Йосипу Броз Тито и осудили резолюцию Коминформа. Был избран новый Центральный комитет, общей численностью 63 человека, и Политбюро, в которое вошли 9 человек. Ими стали: Тито, Эдвард Кардель, Борис Кидрич, Милован Джилас, Иван Гошняк, Франц Лескошек, Благое Нешкович, Александр Ранкович и Моше Пияде. Очень характерен национальный состав нового Политбюро — два серба, один черногорец (Джилас), один хорват (два, если считать Тито) и три словенца. На эту диспропорцию (особенно отсутствие в Политбюро боснийцев и македонцев) не преминули обратить внимание критики Тито в Москве. Генеральным секретарем КПЮ был единогласно избран Йосип Броз Тито.

²⁰ Разрыв ФНРЮ и СССР особенно тяжело был воспринят в Черногории. В поддержку резолюции Коминформа высказались партийные организации городов Цетинье, Никшич, Бар, Даниловград, Беране, Колашин, Биело Поле. Разобраться с ситуацией ЦК партии поручил Комнелу Церовичу, который до 1948 г. был министром сельского и лесного хозяйства республики, и что гораздо более важно, он был женат на Милке Джилас, сестре входившего в узкое руководство партии Милована Джиласа, и пользовался абсолютным доверием последнего. Церович начал осуществлять чистку рядов черногорских коммунистов, более или менее удачную в приморских и центральных районах страны, но абсолютно провалившуюся на севере. В частности, партийная организация города Биело Поле в полном составе, во главе с первым секретарем обкома Илией Булатовичем, буквально ушла в леса и начала партизанскую войну против «ревизионистов» в Белграде. Против «сталинистов» из Биело Поле был брошен сводный отряд военных и милиции, общей численностью около тысячи человек, во главе с министром внутренних дел Черногории Саво Йоксимовичем. Большая часть несогласных с курсом партии была расстреляна на месте, немногие уцелевшие отправлены в спецтюрьму Голи Оток. В югославской (и сербской) историографии принято объяснять последовательно просоветские настроения в Черногории традиционным русофильством этого народа, что соответствует действительности лишь отчасти. В частности, через два года вспыхнуло столь же массовое восстание в боснийской Цазинской Краине (г. Бихач), которое уже никак не может быть объяснено «русофильством» местного населения. См.: *Banac Ivo. Sa Staljinom protiv Tita: informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990.*

²¹ Фамилию не удалось установить.

согласен только тот, кто трус, кто изменник или оппортунист, Душан взял слово и заявил, что он не трус, как все это знают (партизан), не изменник и не оппортунист, но голосует за резолюцию и всецело с ней согласен, и, наоборот, не согласен с точкой зрения и линией ЦК во главе с Тито. Конечно, после этого у него отобрали карточку делегата (в последний вечер), и днем и ночью не оставляли в покое, «дружественно» убеждая (моральный террор) отказаться от своего заявления. Во время съезда человек вынужден был скрываться по ночам (днем мог ходить свободно, будучи очень популярным), а сейчас же после съезда исчез бесследно, даже жена, тоже активистка, ничего не могла узнать о его судьбе.

Многие другие, исключенные из партии после своих заявлений или даже только сомнений, сейчас же вскоре были изгнаны из предприятий и учреждений и буквально лишены возможности заработать на кусок хлеба.

К ним можно еще добавить иностранных подданных, отказавшихся перейти в югославское подданство. Они были тоже изгнаны из предприятий. Интересно, что даже и югославские подданные, но по происхождению другой национальности, были переведены из министерств на другие работы, если до этого работали по линии государств их национальности. Так, не был послан уже объявленный о назначении послом в Прагу Войвода потому, что был словак по происхождению²². Чех, заведующий чешским отделом коммерческих сношений, был переведен на другую работу²³. Румын (Лупшич)²⁴ — то же самое.

Нужно добавить, что итальянские эмигранты, потерявшие все доверие к югославам, просят в другие демократические страны, конечно, нелегально.

Другая сторона дела, побег югославы за границу. Таковы случаи побегов в Венгрию (депутаты венгры, офицеры)²⁵ и известные случаи попыток

²² Правильно — Вейвода. Иво Вейвода (1911–1991) — хорватский коммунист, чех по отцу. В межвоенный период учился в Праге на архитектора, поскольку имел двойное гражданство, использовался как курьер Коминтерном и советской военной разведкой (был в группе Мустафы Голубовича). Участник гражданской войны в Испании, во время Второй мировой — политический комиссар различных партизанских отрядов. В 1944–47 гг. — главный редактор Телеграфного агентства Югославии (Танюг), с 1952 г. на дипломатической работе (посол в Бразилии, Чехословакии, Великобритании, Италии, Франции).

²³ Неустановленное лицо.

²⁴ Речь идет о человеке по имени Кориолан Лупшич, мелком служащем из Панчево, активном члене Общества румынской культуры. См.: Mitrović Nemanja. Jugoslovensko-rumunski odnosi (1954–1968): doktorska disertacija. Beograd, 2023.

²⁵ Бежавшие лица сразу включались в движение, направленное на подрыв действующей в Югославии власти. О деятельности (в том числе в Венгрии) югославской коминформовской эмиграции см.: Аникиев А. С. Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броз-Тито (1948–1952) // Славяноведение. 2016. № 5. С. 31–42; Кимура Каори. Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948–1954 гг.; Vukman P. “Harcban Tito és Rankovics klikkje ellen”. Jugoszláv politikai emigránsok Magyarországon (1948–1980). Budapest — Pécs, 2017.

побегов в Румынию²⁶. В связи с этим об Арсо Йовановиче нового чего-либо добавить не могу. Пресса о нем молчит. В парторганизациях случай обсуждается, и его называют как предателя, захватившего официальные документы для того, чтобы продать их чужой стране²⁷. Многие того мнения, что здесь не без провокации (заявления пограничников на Моравице подтверждают это).

О генерале Попиводе до 25 августа ничего не было известно публично, как только то, что кто-то бежал самолетом²⁸.

²⁶ О разрыве со своим правительством объявил и посол Югославии в Румынии Радоня (или Радонья) Голубович (1906–1984) — черногорский коммунист, активный участник партизанского движения в годы Второй мировой войны, после войны занимал различные номенклатурные должности, в частности министра внутренних дел СР Черногории. Год проработал советником в югославском посольстве во Франции, в конце 1947 г. направлен послом Югославии в Румынию. После резолюции Коминформа запросил в Румынии политическое убежище, его заявление об отказе от югославского гражданства было опубликовано в газете «Правда». В 1949 г. возглавил редакцию антититовской газеты «За социалистическую Югославию». «Следует отметить, что редакция нового издания с самого начала ее создания выполняла функции, не ограничивавшиеся подготовкой газеты. По сути, она стала руководящим органом югославской политэмиграции в СССР и странах “народной демократии”, — пишет Каори Кимура (там же). Умер в Советском Союзе. Отец российско-сербского бизнесмена и политического активиста Олега Голубовича.

²⁷ Арсо Йованович (1907–1948) — югославский военный и государственный деятель, потомственный офицер, в 1934 г. окончил Академию Генштаба Королевства Югославия, в 1940 г. — дополнительные курсы комсостава, после чего начал службу в Генеральном штабе. В 1939 г. опубликовал брошюру «Тактика пехотного батальона». Был застигнут войной в Боснии, пытался организовывать там партизанское движение, после неудачи этих попыток переместился в Черногорию, где активно участвовал в «Восстании 13 июля» против итальянских оккупантов. В компартию вступил постфактум, уже будучи одним из партизанских командиров. В январе 1942 г. становится начальником Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии, оставался в этой должности до конца войны. В 1945 г. стал начальником Генштаба вооруженных сил Югославии, в марте 1946 г. направлен в СССР для повышения квалификации, в начале июня 1948 г. вернулся на родину. В конце июня поддержал антититовскую резолюцию Коминформа. Погиб якобы при попытке перехода границы с Румынией 11 августа 1948 г. Современное осмысление биографии и обстоятельств гибели Йовановича см.: Vukelić V., Šumanović V. Arso Jovanović — an erased biography // *Balkanica Posnaniensia*. XXV, Posnan, 2018.

²⁸ Петар (Пётр Саввич) Попивода (1916–1979) — участник партизанского движения в Югославии, неформальный лидер «коминформовской» югославской эмиграции, генерал-майор ВВС СССР. В 1952 г. от имени антититовской коминформовской эмиграции выступал на XIX съезде ВКП(б). До войны офицер королевского флота, с началом черногорского восстания 13 июля примкнул к партизанам, в партию принят постфактум (здесь нельзя не отметить сходство биографий Попиводы и Арсо Йовановича). Войну закончил в звании полковника, в 1945 г. был направлен на обучение в СССР, женился на советской гражданке, по возвращении в Югославию был произведен в генералы и назначен начальником оперативного управления ВВС. 16 августа 1948 г. угнал подведомственный ему самолет и пересек на нем югославо-румынскую границу. В 1951 г. его брат Владо вместе с тремя другими членами экипажа также бежал на самолете из Югославии. См.: *Miloradović G., Timofejev A. Između dve otadžbine — jugoslovenski politički emigranti u Sovjetskom Savezu 1948–1956*. Beograd, 2016.

Вообще замечается все большая и большая нервозность как в прессе, так и в официальных кругах. После неудачных попыток использовать присутствие Вышинского для доказательства хороших отношений с Советским Союзом (об экскурсиях и приемах пресса говорила не о том, что сказал Вышинский, а кто был²⁹. Называли по именам всех членов советской делегации и только мимоходом глав других демократических делегаций и т. д.). Во всяком случае, еще от съезда тянутся некоторые разочарования и дезинлюзии насчет возможности улучшения отношений с СССР и примирения при помощи Вышинского также с другими странами народной демократии.

Таким образом, объясняется и открытое выступление против Румынии в связи с ее национальным праздником 23 августа, когда телефонно, в день 23-го августа, приглашенным официальным лицам и представителям культуры и искусства были отданы распоряжения (партии) не являться на прием в румынское посольство³⁰. Об этом распоряжении некоторые признались потом открыто, вместо извинения.

Когда в связи с вручением ноты задали вопрос министру Симичу³¹, является ли его отсутствие и отсутствие других с ведома и одобрения правительства, он без обиняков ответил, что да, что правительство уполномочило только Беблера³² с делегацией представить на приеме югославское

²⁹ Приезд заместителя министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского был связан с проведением в Белграде летом 1948 г. международной конференции, созванной с целью послевоенного международно-правового урегулирования режима судоходства по реке Дунай (см. подробнее ниже).

³⁰ 23 августа 1944 г. при поддержке молодого короля Михая I в Бухаресте произошел государственный переворот, в результате которого был свергнут режим маршала Иона Антонеску. Новое правительство порвало с нацистской Германией, Румыния присоединилась к Антигитлеровской коалиции, объявив войну Германии и Венгрии. Этот день с установлением в конце 1940-х гг. в стране коммунистического режима и вплоть до конца эпохи Чаушеску был государственным праздником Румынии.

³¹ Станое Симич (1893–1970) — югославский государственный деятель, потомственный дипломат (отец, Светислав Симич — многолетний посол Сербии в Болгарии). С 1920 г. на дипломатической службе в МИД Королевства СХС, неоднократно увольнялся в связи с социалистическими взглядами, а затем принимался назад на работу. С 1942 г. посланник, с 1943 г. — посол югославского королевского эмигрантского правительства в СССР, активно сотрудничал с югославской коммунистической эмиграцией и титовскими партизанами. В 1945–46 гг. — посол Югославии в США, в 1946–48 гг. — министр иностранных дел, в 1948–53 гг. — министр без портфеля. С 1953 г. ушел из активной общественной жизни. Судя по контексту, нота была вручена в связи с тем, что приглашенные официальные представители Югославии проигнорировали прием по случаю национального праздника Румынии, выразив тем самым неуважение румынской государственности.

³² Алеш Беблер (1907–1981) — словенский и югославский государственный деятель. Юрист по образованию, окончил Сорбонну, с 1929 г. был членом ЦК молодежной организации компартии Югославии, вместе с Эдвардом Карделем и Борисом Кидричем. С 1933 г. в Советском Союзе находился под именем Антон Хартманн, в 1936 г. отправлен на гражданскую войну в Испанию под именем Андре Кабаль, перед отправкой, вероятно, прошел обучение на военно-политических курсах Коминтерна (см.: *Бондарев Н. В.* Русские тайны Иосипа Броза Тито. Архивы свидетельствуют.

правительство (Беблер только заместитель и не член правительства; есть много схожего с приездом и выездом румынской делегации на Дунайскую конференцию³³).

Знаменательны в заявлении Беблера на приеме во время демонстративного ухода две идеи: во-первых, что мы (румыны), якобы, выступлениями румынских руководителей подготовляем атмосферу для войны; во-вторых, что всей нашей политикой и нашим отношением (?) к Югославии мы (румыны) толкаем ее в объятия англо-американского империализма. Из всей его нервозности и заявления бросается в глаза попытка оправдания будущих действий Югославии, что если, мол, и случится, то есть если мы и порвем с вами и сблизимся открыто с Америкой, то виноваты в этом будете вы, румыны, и т. д., а не мы, югославы. Собственно говоря, по этой линии они идут уже дальше, совсем открыто, устраивая публичные митинги провокаций по адресу Румынской Народной Республики (митинг на строительстве Нового Белграда³⁴).

М., 2019). Участник партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны, организатор партизанской бригады «Матия Губец» в Словении (одноименный отряд был и в Хорватии). После окончания войны — министр финансов СР Словении, затем заместитель министра иностранных дел ФНРЮ. Руководитель югославской делегации на Дунайской конференции 1948 г. В 1949–52 гг. — представитель Югославии в ООН. В 1955–57 гг. — посол Югославии во Франции. С 1963 г. отодвинут на периферию общественной жизни (судья Конституционного суда) из-за сложных отношений с А. Ранковичем. Активно участвовал в деятельности Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН (ВФАССООН), одно время был ее председателем.

³³ В соответствии с решением Потсдамской мирной конференции 1945 г. была создана специальная конференция в целях урегулирования международного статуса Дуная. Она состоялась в Белграде 31 июля — 18 августа 1948 г. Помимо дунайских стран (включая СССР) в работе конференции участвовали США, Великобритания, Франция, Китай. По итогам обсуждения была разработана и принята Конвенция о режиме судоходства на Дунае, подписанная 18 августа 1948 г. В ней были сформулированы основные принципы работы Дунайской комиссии — существующей по сегодняшний день (хотя и без участия России) организации, образованной после вступления в силу Дунайской конвенции в мае 1949 г. О сербском видении работы Дунайской конференции см.: Пауновић Ј. Историјски развој принципа слободне пловидбе Дунавом и Конвенција о режиму пловидбе на Дунаву од 1948 године. Београд, 1957; Стојковић М. Дунавска комисија. Београд, 1970; Стојић-Karanović E. Dunav reka saradnje / Danube River of Cooperation. Београд, 2005; Гулић М. Београдска дунавска конференција 1948. Године // Токови историје. № 1 (2013). Р. 173–202; Гулић М. Југословенске дипломате и службеници на Дунаву у вријеме сукоба Југославије са Информбиром // Југословенска дипломатија 1945–1961. Зборник радова. Београд, 2012. Р. 159–173.

³⁴ Митинг в честь установки закладного камня на строительстве района Новый Белград состоялся 11 апреля 1948 г. На митинге присутствовали председатель Экономического совета правительства ФНРЮ Борис Кидрич, министр строительства ФНРЮ Владо Зечевич, председатель правительства СР Сербии Благое Нешкович (все трое члены Политбюро ЦК КПЮ) и другие официальные лица. Министр Зечевич поблагодарил собравшихся, в основном участников добровольных молодежных бригад, за оперативность и хорошую работу по подготовке территории (осушению болот) и выразил надежду, что уже через год между старыми районами

Конечно, и эти их выходы связаны именно с тем, что им больше всего: так называемое строительство социализма. Здесь дела идут плохо.

Вообще, планы пятилетки не выполняются³⁵. В общем за первую половину второго года было реализовано только 31% предвиденного плана. Не блестяще дело обстоит и на новом Белграде. Сюда уже приходил митинговать перед съездом Тито, сейчас же после съезда Кардель и Джилас, теперь новый митинг в связи с нотой протеста. В итоге добровольцы (волонтеры) митингуют, а дело движется плохо, медленно, без особого воодушевления, нет материалов, нет пищи, нет уверенности и спокойствия (шоссе Кнеза-Милена до сих пор не закончили, а конгресс прошел давно).

Плохо идет кампания хлебозаготовок. Говорят о перегрузке планов. О преувеличенных планах говорят и в промышленности. На самом деле отсутствуют кадры (ушли советские специалисты³⁶), материалы, да и моральное состояние среди рабочих после резолюции Информбюро уже не то. Отсюда — не перестающие процессы шпионства, саботажа и т. д.

После национализации торговых магазинов³⁷ витрины пустуют, купить ничего нельзя, доставлять тоже пока не в состоянии. Наблюдается ухудше-

Бежания и Старо Саймиште вырастут здания правительства ФНРЮ, правительства СР Сербии и ЦК КПЮ. По факту первые два объекта действительно были построены достаточно быстро, а строительство третьего затянулось. В ответной речи представитель трудовой молодежи заверил ответственных товарищей, что эта стройка будет также и «школой братства и единства народов Югославии».

³⁵ В 1946 г. был принят Закон о планировании и началась разработка первого пятилетнего плана, основным координатором работы был Андрия Хебранг. После ареста Хебранга в 1948 г. в связи с подозрениями в поддержке линии Коминформа ответственным за реализацию плана был назначен Борис Кидрич. Первый пятилетний план осуществлялся с 1947 по 1951 г. в основном силами «молодежного рабочего действия» (некий добровольно-принудительный аналог советских стройотрядов, начавших создаваться несколько позже). За время реализации первого пятилетнего плана было построено 200 крупных промышленных и энергетических объектов, железные дороги Шамац-Сараево, Никшич-Титоград и др. На 30% планировалось увеличить жилой фонд в стране, и именно эта часть плана реализована была не вполне, все ресурсы поглотила стройка Нового Белграда, в первых кварталах которого конторских зданий и гостиниц было больше, чем жилых домов. В 1952 г. плановая экономика советского образца была признана не отвечающей интересам югославских трудящихся, некий аналог Госплана при этом продолжал существовать. В 1957 г. был принят второй пятилетний план, реализовывавшийся до 1961 г. В 1962 г. Югославия окончательно отказалась от практики пятилетних планов.

³⁶ 24 февраля 1948 г. был задержан (а на самом деле отменён) выезд в ФНРЮ всех новых групп советских специалистов. В апреле произошел массовый исход из Югославии находившихся там специалистов из СССР. Однако же в августе 1948 г., когда была написана записка Руденко, утверждать, что «все советские специалисты ушли», было несколько преждевременно, последние группы советских специалистов (горные инженеры, согласно распространенному апокрифу, искавшие в Югославии урановые руды) покинули страну только осенью 1948 г.

³⁷ Закон о национализации частных предприятий был принят 7 декабря 1946 г. Под него попадали 42 разновидности частного предпринимательства, от металлургии и машиностроения до небольших частных магазинчиков. Отметим, что ремесленников-кустарей, работавших в одиночку, этот закон не затрагивал.

ние снабжения, вздорожание цен. Может быть, в связи с этим уменьшается и количество портретов Тито на витринах и вообще наблюдается некоторая заминка.

Нельзя не подчеркнуть, что ни в одном книжном магазине невозможно найти сочинений И. В. Сталина. Что было — все распродано. Нового не хотят привозить. Пытался заказать через магазин — отказались. И это в так называемой «Русской книге»³⁸!

А желающие есть. Издание писем ЦК ВКП(б), конечно, сопровождается письмами КПЮ и введением, разошлось в течение одних суток. Через неделю уже вышло второе издание. Люди хотят познать правду из прямых источников, а не через пропаганду Джиласа. Распространение литературы идет и нелегально с участием иностранных представительств. Газета «За прочный мир, за народную демократию» требуется во все большем количестве. Многим приходится даже отказывать.

Руденко
31. VIII. 1948 г.

*РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Отдел внешних сношений ЦК ВКП(б).
Д. 1163. Л. 87–90. Машинописная копия*³⁹.

Источники

«Нынешние советские руководители полностью забыли об интересах социализма и выступают лишь как великая держава...» (Запись беседы Йосипа Броз Тито и Николае Чаушеску. 24 августа 1968 г.) / публикация Б. С. Новосельцева // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / отв. редактор Т. В. Волокитина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 339–365.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Сопровождения Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М.: РОСС-ПЭН, 1998.

Arhiv Jugoslavije. Beograd.

Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room. Introduction of Cominform Propaganda into Yugoslavia via Danube, Begej and Tamiš rivers. 14.12.1951. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009500470011-8.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).

³⁸ Речь идет о магазине «Русская книга», с 1945 по 1991 г. находившемся в здании Сербской академии наук и искусств. В отличие от магазинов советской книги в других странах социалистического блока (в одной Софии таких магазинов было три), этот магазин не контролировался трестом «Международная книга», хотя и сотрудничал с ним. Как следствие, в 60–70-х гг. на полках этого магазина соседствовали продукция советских издательств и «тамиздат», скажем книги издательства «Посев». Поэтому советским туристам этот магазин издали показывали, но внутрь не пускали.

³⁹ Без помет и подчеркиваний. Сопроводительная записка к документу, а также данные о рассылке в деле отсутствуют.

Литература

- Аникеев А. С. Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броз-Тито (1948–1952) // Славяноведение. 2016. № 5. С. 31–42.
- Бондарев Н. В. Русские тайны Иосипа Броза Тито. Архивы свидетельствуют. М.: Вече, 2019.
- Гибиянский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М.: Наука, 1987.
- Гладышева А. С. Векторы румынской политики в отношении национальных меньшинств, 1945–1989 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 188–205.
- Гладышева А. С. Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1956 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 270–325.
- Гулић М. Београдска дунавска конференција 1948. Године // Токови историје. 2013. № 1. Р. 173–202.
- Гулић М. Југословенске дипломате и службеници на Дунаву у вријеме сукоба Југославије са Информбироом // Југословенска дипломатија 1945–1961. Зборник радова. Београд: Институт за новију историју србије, 2012. Р. 159–173.
- Кимура К. Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948–1954 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 324–348.
- Пауновић Ј. Историјски развој принципа слободне пловидбе Дунавом и Конвенција о режиму пловидбе на Дунаву од 1948 године. Београд: Savez udruženja pravnika Jugoslavije, 1957.
- Стојковић М. Дунавска комисија. Београд: Univerzitet u Beogradu, 1970.
- Стыкалин А. С. У истоков румынской национальной модели коммунизма. К вопросу о влиянии XX съезда КПСС, венгерской революции 1956 г. и югославского фактора // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 96–120.
- Стыкалин А. С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 333–364.
- Югославия в XX веке: очерки политической истории / под ред. К. В. Никифорова. М.: Индик, 2011.
- Banac I. Sa Staljinom protiv Tita: informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb: Globus, 1990.
- Croitor M., Borşa S. Triunghiul suspiciunii: Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito (1954–1964). Vol. I. Cluj-Napoca: Mega, 2014.

- Miloradović G., Timofejev A.* (urednici). *Između dve otadžbine — jugoslovenski politički emigranti u Sovjetskom Savezu 1948–1956*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2016.
- Mitrović N.* *Jugoslovensko-rumunski odnosi (1954–1968): doktorska disertacija*. Beograd, 2023.
- Stojić-Karanović E.* *Dunav reka saradnje / Danube River of Cooperation*. Beograd: Međunarodni naučni forum «Dunav — reka saradnje», 2005.
- Stanciu C.* *From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956* // Iorga Institute. *Historical Yearbook*. Vol. V. Chief ed. C. Bodea. București, Romanian Academy, 2008. P. 113–126.
- Vukelić V., Šumanović V.* *Arso Jovanović — an erased biography* // *Balkanica Posnaniensia*. XXV. Posnan, 2018. P. 161–180.
- Vukman P.* “Harcban Tito és Rankovics klikkje ellen”. *Jugoszláv politikai emigránsok Magyarországon (1948–1980)*. Budapest — Pécs: Kronosz, 2017.

References

- Anikeev, A. S., 2016. The Yugoslavian Emigration in the Soviet Plans of the Overthrow of Iosip Broz Tito (1948–1952). *Slavyanovedenie*, 5, pp. 31–42. (In Russian)
- Banac, I., 1990. *Sa Staljinom protiv Tita: informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu*. Zagreb: Globus.
- Bondarev, N. V., 2019. *Russian Secrets of Iosip Broz Tito. The Archives Testify*. Moscow: Veche. (In Russian)
- Croitor, M., Borșa, S., 2014. *Triunghiul suspiciunii: Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito (1954–1964)*. Vol. I. Cluj-Napoca: Mega.
- Gibianskii, L. Ya., 1987. *The Soviet Union and the New Yugoslaviya. 1941–1947*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Gladysheva, A. S., 2014. The Trends of the Romanian Policy regarding the National Minorities. 1945–1989. In: E. P. Serapionova, ed., 2014. *The National Minorities in the Countries of the Central and South-Eastern Europe: the Historical Experience and the Contemporary Situation*. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, pp. 188–205. (In Russian)
- Gladysheva, A. S., 2017. The Soviet-Yugoslavian Conflict and Romania: the Involvement into the Polemics. 1948–1956. In: A. S. Anikeev, ed., 2017. *Moscow and the Eastern Europe. The Soviet-Yugoslavian Conflict and the Countries of the Soviet Bloc. 1948–1953*. Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 270–325. (In Russian)
- Gulić, M., 2012. Yugoslav Diplomats and Officials on the Danube during the Yugoslav Conflict with Informbureau. In: *Yugoslavian diplomacy. 1945–1961. Collection of articles* Beograd: Institut za noviju istoriju srbije, pp. 159–173. (In Serbian)
- Gulić, M., 2013. The Belgrade Danube Conference of 1948. *Tokovi istorije*, 1, pp. 173–202. (In Serbian)
- Kimura, K., 2016. Four Conferences of the Yugoslavian Political Emigration in the USSR and the Countries of the People's Democracy and their Role in the anti-Titoist Campaign of 1948–1954. In K. V. Nikiforov, ed., 2016. *Together in the Century of Conflicts. Russia and Serbiia in the XX century*. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, pp. 324–348. (In Russian)

- Miloradović, G., Timofejev, A., ed., 2016. *Između dve otadžbine — jugoslovenski politički emigranti u Sovjetskom Savezu 1948–1956*. Beograd: Institut za savremenu istoriju.
- Mitrović, N., 2023. *Jugoslovensko-rumunski odnosi (1954–1968)*. PhD thesis. Beograd.
- Nikiforov, K. V., ed., 2011. *Yugoslavia in the 20th Century: Essays on the Political History*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Paunović, J., 1957. *Historical Development of the Principle of Free Navigation on the Danube and the Convention on the Regime of Navigation on the Danube since 1948*. Beograd: Savez udruženja pravnika Jugoslavije. (In Serbian)
- Stanciu, C., 2008. From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956. *Iorga Institute. Historical Yearbook*. Vol. V. Chief ed. C. Bodea. București, Romanian Academy, pp. 113–126.
- Stojić-Karanović, E., 2005. *Dunav reka saradnje / Danube River of Cooperation*. Beograd: Međunarodni naučni forum «Dunav — reka saradnje».
- Stojković, M., 1970. *The Danubian Commission*. Beograd: Univerzitet u Beogradu. (In Serbian)
- Stykalin, A. S., 2011. What the Romanians Thought about the USSR. The Soviet Diplomat Testifies. In N. M. Kurennaiia, ed., 2011. *Looking for New Ways. Power and Society in the USSR and the countries of Eastern Europe in 1950–1960s*. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, pp. 333–364. (In Russian)
- Stykalin, A. S., 2020. At the Origins of the Romanian National Model of Communism. To the Question of the Influence of the 20th Congress of the CPSU, the Hungarian Revolution of 1956 and the Yugoslavian Factor. In: A. S. Anikeev, ed., 2020. *Moscow and the Eastern Europe. National Models of Socialism in the Countries of the Region (1950–1970s). Formation, features, modern assessments*. Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 96–120. (In Russian)
- Vukelić, V., Šumanović, V., 2018. Arso Jovanović — an erased biography. In: *Balkanica Posnaniensia*. XXV, Posnan, pp. 161–180.
- Vukman, P., 2017. “Harcban Tito és Rankovics klikkje ellen”. *Jugoszláv politikai emigránsok Magyarországon (1948–1980)*. Budapest — Pécs: Kronosz.